

Анна Лебедева

Как мужик корову продавал

Рассказ

Анна Лебедева
Как мужик корову продавал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68782206

SelfPub; 2023

Аннотация

Жил мужик, не тужил. Была у него корова-красавица, молочко давала. Но вот приперло, деньги понадобились, пришло время расставаться... Что же будет?

Анна Лебедева

Как мужик корову продавал

Люська разругалась с Васькой Петровым в пух и прах. Да что там разругалась – подралась! Петька Чесноков вовремя подоспел, чтобы спасти Ваську от побоев, наносимых мелкой, но шустрой, словно ртуть, Люськой.

А все из-за чего? Из-за того, что Васька не сдержал свое слово и в самый последний момент отменил важную сделку.

***

Вчера Люська договорилась с Петровым о покупке у него коровы. Белянка была чудо как хороша! Здоровая, круторогая, с огромным розовым выменем, Белянка выглядела королевной среди своих товаров. Вечером, возвращаясь с пастбища, она не шла – плыла по тропинке, мерно помахивая хвостом, будто веером на балу, впереди всех, коротко взмыкивая: иду, мол, хозяин, открывай ворота!

Васька тут как тут: бежит навстречу своей красавице, хлев – нараспашку. Белянка важно заходит в него и, не торопясь, высасывает из ведра пойло. И, не дай бог, хоть какую жириночку-грязиночку почувствует – лягнет ногой и отвернется! Непоенная, она начнет взбрыкивать и бодаться – Васька изматерится весь, пока ее доит. Кое-как десяток литров на-

цедит, а корова копытом подойник кувырнет – все молоко на полу. Васька в сердцах ее по рогам – тресь! Белянка глазом, опущенном длинными ресницами, взглянет и рогом Ваське ответку дает, да такую, что Петров потом неделю фонарем отсвечивает.

Намаялся Васька со своей Белянкой. Шутка ли, один мужик живет, где ему с коровой управиться? Тут бы женские руки, да голос ласковый, а этого добра у Василия отродясь не было. Ручищи пудовые, работой изъеденные, могли запросто трактор по винтикам разобрать и тонну навоза лопатой по всему участку раскидать. А глотку бог дал Ваське луженую: если он в прорубь после бани прыгал и крякал от удовольствия, то за версту вокруг все знали: Васька купаться изво-лит.

Без коровы тоже не жизнь. Василий привык с утра литрушечку молока выпить для затравки, в обед – горшок топленочки ополовинить, а на ужин – простокваши банки две с хлебушком навернуть. И навоз, опять же. У Васьки огород который год с урожаем. Дачники целое лето на своих сотках возятся, до последней травиночки все сорняки выгрызут, поливают, холят, лелеют – а толку? Картошка – с голубиное яйцо, а морковка на крысиные хвосты похожа. Другое дело у Петрова: морковь с картошкой на ВДНХ показывать можно! И нечего морщиться – навоз-батюшка земельку делает мягкой и жирной, словно пух!

Дачники поначалу носы морщили, даже участковому пи-

сали: запах им не нравится, видите ли. А потом посмотрели, как на добром навозе все прет из земли, несмотря на то, что Василий с грядками не особо возился: бархатцы с ноготками не высаживал, торфяную смесь не покупал и с семенным материалом не парился, да и не полол особо – некогда. После этого навоз у Петрова разлетался каждую весну и осень – только успевай в тракторную телегу закидывать и развозить. Копеечка в хозяйстве лишней не была – на ремонт трактора, на пол в бане новый, на шифер – на все пригодилась.

Жизнь Петрова била ключом: как с утра вскочит с постели, так и бегаёт как заведенный. Да он и не жаловался никогда, не умел по-другому. Прошлой зимой схватил новый вирус, провалялся две недели в кровати, так думал, что помрет. Только не от вируса новомодного, а от того, что ничего не делает: максимум, что мог, так только до уборной доползти.

Однажды приехал к Петрову из города сын Сашка. Не на автобусе, а на дорогущей машине, жену Светку, внуков Лешку и Володьку привез. Сашку в город от отца Маринка, бывшая жена, увезла. Не захотела, стерва, с родным мужем в деревне жить. Скучно ей было тут. Забрала ребенка и укатила к своей городской маме, пока Васька под трактором в РМЦ корячился. Развод Маринка получила без нареканий – Васька сразу же ее в черный список занес и из жизни вычеркнул. По Сашке скучал, конечно, но ситуацию выправить все-таки удалось. Маринка, хоть и стерва, но общению отца с сыном не препятствовала: каждое лето Сашка приезжал в деревню,

на все каникулы. Конечно, зачем он Маринке – той надо было по курортам хвостом крутить, там не до ребенка.

Васька сыном гордился, хороший парень вырос и голова-стый. Выучился на инженера, в городе на престижную работу устроился. Женился, детишки пошли – нормально! Батьку сын не забывал, приезжал регулярно и ребятишек привозил, на молочко. Вот и в этот раз нагрязнул в гости всей семьей. Малые сразу в хлев побежали к Белянке: любят, до рогов дотянуться пытаются. Дед не препятствовал: где сейчас корову живьем увидишь, даже в селе молоко только в магазине покупают лентяйки местные.

За ужином выпили по стопке, огурчиком закусили, помолчали немного. Светка детишек спать отправила, вернулась, на краешек стола присела. Пауза затянулась: почувствовал Васька – мнутя дети, не знают, как разговор начать. И разговор серьезный, видимо. Сашка первый заговорил:

– Папа, дело такое, ходит вокруг да около не буду, скажу сразу. Мама тяжело заболела: онкология.

Ваське на Маринку «сто лет в обед» наплевать было, но тут он подскочил от изумления. Молодая баба еще Маринка, и такое горе! Жалко!

– Она сейчас в больнице. Наши врачи не берутся за операцию – опасно. Но вот я нашел докторов в Москве, созвонился с ними – они согласились. В Москве сейчас такие операции делают, передовые технологии, – сын поморщился, – у нас все только в Москве, за МКАДом ведь людей нет...

Столичные специалисты озвучили такую сумму, что Сашке чуть плохо не стало. Начались судорожные подсчеты денег – не выходило никак. Сашка снял все свои сбережения, машину Светкину продал, свою на продажу выставил. Теща, добрая душа, все, что копила, отдала – все равно не хватало. Пришлось ему к отцу ехать, хотя до последнего делать этого не хотелось: Василий не обязан был спасать бывшую.

Сашка ошибся. Василий Маринку глубоко презирал, но подлецом не был. Надо так надо. Он посчитал, сколько у него лежало в копилке (кое-что откладывал с барышей). До полной суммы не хватало совсем немного, да где ж эти деньги взять? Посидел немного мужик, а потом ударил кулаками по коленям.

– Решено! Белянку придется продать!

Светка ахнула, Сашка помрачнел. Хорошо, детишки спали: реву было бы! Василий сказал – как отрезал:

– Деньги за нее хорошие дадут. И в руки она хорошие попадет! Люська с Дороховой давно вокруг меня кругами ходит. У нее четыре телки, я видел. Ничего, нормально баба с ними управляется. Наша пятая будет.

– Бать, а как же ты без Белянки?

– Ничего, справлюсь. Зато мать вылечим.

***

На следующий день Васька Сашку проводил до калитки. Дождлся, пока машина, плавно тронувшись с места, скроется за околлицей. Вздохнул и побрел домой. Он открыл шкаф-

чик, достал початую бутылку, налил в граненую стопку, выпил и присел на лавку. На душе было тоскливо, муторно, до слез. Зачем? С какого перепугу он ляпнул про корову? Мало, что ли, он отдал Сашке вчера – ведь все, до последнего рубля выскреб и вручил сыну на лечение чужого человека! Кто ему Маринка? Что он с ней хорошего видел? Предательница, вертихвостка, бросила мужа и глазом не моргнула. Сколько у нее, у беспутной бабы, потом было хахалей? Пальцев на руках не хватит, чтобы пересчитать! Кто-нибудь про нее потом вспомнил? А почему муж должен вспоминать?

За окном послышалось требовательное: мммы-ы-ы. Пришла красавица, явилась не запылилась. Васька тяжело поднялся: надо обряжать скотину: напоить, подкинуть ей запахистого сенца, обмыть теплой водицей вымя, смазать сливочным маслом и подоить. Нельзя перед Белянкой носом швыркать – разом почувствует она настроение хозяина, зажмет вся и не даст выдоить себя, как следует. Оставшееся молоко перегорит и пропадет. И если такое будет происходить часто – очень скоро Белянка станет яловой и годна будет только на мясо.

Корова, не торопясь, вошла в стойло, наклонилась к поилке и принялась пить. Убедившись, что все в порядке, принялась пить. Потом она подняла свою голову, обрамленную, словно короной, мощными рогами, и взглянула на Ваську. Глаза у Белянки – большие, умные, таили в себе вечную печаль и вселенскую тайну, непонятную простым смертным –

безгрешные, чистые глаза существа, никогда и никому не делавшего зла, только добро, тепло, сытость и покой.

Васька дал ей большой кусок черного хлеба, щедро посыпанный крупной, серой солью, погладил по морде и гладкой холке. Он достал скамеечку, присел подле крутого бока и поставил перед собой блестящий, чистенький подойник. Звонко ударила по стенкам ведра первая струя белого и жирного, как сливки, молока. Белянка мирно хрумкала сеном и глубоко вздыхала, пока Василий, давясь слезами, делал добрую и вечную, издревле женскую работу – наполнял подойник сладким и сытным молоком, на протяжении многих веков спасавшим от голода и худобы грешных и неблагодарных людей.

Всю ночь Василий не спал, сидел у окна, уставившись в одну точку. Утром должна была подъехать эта задрыга Люська. Петров ей позвонил, так она сразу и без всяких колебаний согласилась. Еще бы, такая корова! Царица! Люська даже не торговалась.

Наверное, сразу после звонка Василия она подорвалась с места, как бешеная, и побежала к Петру Чеснокову – нанимать грузовик. Петька брал за перевоз по-божески, цен не заламывал. Он доставит Белянку до деревни Дороховой в целости и сохранности – не растрясет и не покалечит. Это не Серега Лужков из Колбек – тот был полным дураком, ездил по грунтовке со скоростью под сто километров. Так что в этом плане беспокоиться нечего.

Да и Люська, жох-баба, придурошная, горлопанка и скандалистка, с животиной обращалась куда лучше, чем с людьми. Коровы у нее – сытые, молочные, содержались в чистоте и в порядке – грех им на хозяйку свою жаловаться. Люська продавала сливки, масло, творог и имела хороший барыш. Покойный муж был у нее никудышный, никчемушный, а ей плевать – сама со всем хозяйством справлялась. Такой бабе продавать скотину не страшно!

Небо украсила заря цвета июньских пионов. Василий открыл ворота в хлев. Белянка выжидающе поглядывала на хозяина, ждала хлеба. Петров, гремя подойником, приблизился к своей любимице. Уж сколько он кричал на нее, и по рогам в сердцах мог двинуть, и сетовал на то, что никуда ни уехать, ни убраться из-за нее, скотины этакой – а пришло время расставаться, и жалко, сил нет.

И тут в голову Ваське пришла замечательная мысль! А что, если съездить в город, да взять кредит года на два? Расплатится как-нибудь, небольшой доход есть! Зато Белянка никуда не денется! Что это он, старый дурак, сразу об этом не подумал! Не дело корову продавать, у него внуки растут!

Ваське вдруг сразу так легко стало, как гора с плеч упала. Он вывел Белянку из сарая и отправил в стадо. Со спокойной душой Василий отправился завтракать. Как отвертеться от Люськи, он даже думать не хотел.

Люська приехала вовремя, энергично постучала в дверь маленьким, жестким от работы, кулачком.

– Хозяин! Василий! Выходи, я приехала.

Васька открыл дверь.

Люська смотрела на него черными, хитрющими глазами:

– Ну? Пойдем смотреть твою принцессу!

Василий глуповато улыбнулся:

– А ее нет!

– А где это она у тебя?

– В стаде. Ты, вот что, Людмила, не взыщи... Погорячился я вчера.

– Как это – погорячился? Вот, я приехала, за коровой, вот деньги... Корова где?

– Да... Передумал я продавать Белянку! – рубанул Петров.

Люська с минуту молчала, пораженная такой наглостью. А потом ее понесло:

– Ах ты, козлина безрогая! Ах, ты, прыщ вонючий! Люди добрые, да что же это делается! Это я такую дорогу ехала, деньги на шофера тратила – а этот змей мне что устраивает! Ах, ты гад! – Люська размахнулась и со всего маху треснула Ваську по голове.

На крик заполошной бабенки прибежал Петька. Еле оттащил ее, злющую, жилистую, от Василия и с огромным трудом запихнул в кабину. Люська сопротивлялась, брыкалась, а напоследок, высунулась из кабины и крикнула Василию:

– Ты у меня хрен теперь на свой трактор сядешь! Я на тебя гаишников натравлю, собака!

Заурчал мотор, грузовик, лихо сорвавшись с места, наконец-то уехал. Василий отдышался: «Гром-баба». Улыбнулся своим мыслям и пошел собираться в город: автобус должен был подойти к девяти утра.

(с) 2021 Анна Лебедева